

ЭРИХ ФРОММ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эрих Фромм

Бегство от свободы

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23188720
Эрих Фромм. Бегство от свободы: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-091681-8

Аннотация

Эрих Фромм – выдающий мыслитель XX века, один из основателей неопрейдизма. Работы Фромма пользуются широчайшей популярностью во всем мире – еще при жизни основные его труды, посвященные этическим и социально-психологическим вопросам природы человека, выдержали десятки переизданий миллионными тиражами.

В своей знаменитой работе «Бегство от свободы» Эрих Фромм попытался разобраться, почему, несмотря на изобилие материальных благ и демократические достижения, люди все чаще испытывают соблазн отказаться от своей свободы в пользу политической диктатуры... превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Предисловие II	10
I. Свобода – психологическая проблема?	16
II. Возникновение индивидуальности и двойственность свободы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эрих Фромм

Бегство от свободы

Erich Fromm

ESCAPE FROM FREEDOM

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm and Annis Fromm и литературного агентства Liepman AG, Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Erich Fromm, 1941

© Перевод. А. В. Александрова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

***

*Если я не за себя, то кто за меня? Если я только
за себя, то кто я? Если не сейчас, то когда?
Талмуд, Мишина, Абот.*

*Я не сделал тебя ни небесным, ни земным,
ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам,
свободный и славный мастер, сформировал себя в*

*образе, который ты предпочтешь... О высшее и
восхитительное счастье человека, которому дано
владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем
хочет.*

Пико делла Мирандола

«Речь о достоинстве человека»¹.

*Изменить можно все, кроме врожденных и
неотъемлемых прав человека.*

Томас Джефферсон

---

¹ Перевод Л. Брагиной.

Предисловие

Настоящая книга является частью обширного исследования, касающегося структуры характера современного человека и проблем взаимодействия психологических и социологических факторов, над которым я работаю уже несколько лет и завершение которого потребует значительно более длительного времени. Политические события настоящего времени и опасность, которую они несут величайшим достижениям культуры – индивидуальности и уникальности личности – побудили меня прервать работу над большим исследованием и сосредоточиться на одном аспекте, ключевом для культурного и социального кризиса наших дней: значении свободы для современного человека. Задача, стоящая передо мной в этой книге, решалась бы легче, если бы я мог отсылать читателя к завершенному исследованию структуры характера человека в нашей культуре, поскольку значение свободы можно полностью понять только на основании анализа целостной структуры характера современного человека. На данном этапе мне пришлось часто обращаться к некоторым концепциям и заключениям, не рассматривая их так полно, как я сделал бы, имея больше возможностей. Некоторые чрезвычайно важные проблемы я могу упомянуть только мимоходом или не упомянуть вовсе. Однако я чувствую, что как психологу мне следует безотлагательно предложить

то, что я способен дать для понимания современного кризиса, даже если придется пожертвовать полнотой изложения ради заполнения важного пробела.

Указание на важность психологических соображений применительно к современной ситуации не означает, на мой взгляд, переоценки психологии. Основополагающий объект социального процесса есть индивид, его желания и страхи, его страсти и размышления, его наклонность творить добро и зло. Чтобы понять динамику общественного процесса, мы должны понять динамику психологических процессов внутри индивида, также как для понимания индивида мы должны видеть его в контексте культуры, налагающей на него свой отпечаток. Суть этой книги заключается в том, что современный человек, освобожденный от оков до-индивидуалистического общества, которое одновременно обеспечивало ему безопасность и ограничивало его, не достиг свободы в позитивном смысле: реализации своей индивидуальности, т. е. своего интеллектуального, эмоционального и чувственного потенциала. Свобода, хотя она принесла ему независимость и рациональность, сделала его изолированным и тем самым тревожным и бессильным. Изоляция невыносима, и альтернативы, доступные ему, – или бегство от тяжести свободы в новую зависимость и подчинение, или продвижение к полной реализации позитивной свободы, основанной на уникальности и индивидуальности человека. Хотя эта книга – скорее диагноз, чем прогноз, скорее анализ, чем решение, –

ее выводы важны для определения нашего курса. Понимание причин тоталитарного бегства от свободы есть предпосылка любых действий, направленных к победе над тоталитаризмом.

Мне доставляет огромное удовольствие поблагодарить всех своих друзей, коллег и студентов, перед кем я в долгу за поддержку и конструктивную критику моих взглядов. Хочу особенно отметить вклад тех, кто напрямую способствовал завершению этого тома. В первую очередь хочу поблагодарить мисс Элизабет Браун, чьи предложения и критические замечания по структуре книги оказали мне неоценимую помощь. Кроме того, должен поблагодарить мистера Т. Вудхауса за редактирование рукописи и доктора А. Зейдемана за помощь в разрешении философских проблем, затронутых в этой книге. Выражаю свою признательность издателям за привилегию использовать развернутые выдержки из их публикаций: «Наставление в христианской вере» Жана Кальвина в переводе Дж. Аллена (Совет христианского образования, Филадельфия); «Социальные реформы и Реформация» Дж. С. Шапиро (издательство Колумбийского университета); «О рабстве воли» Мартина Лютера в переводе Г. Коула (издательство У. Б. Эрдмана, Грэнд Рапидс); «Религия и подъем капитализма» Р. Х. Тауни (Харкурт, Брэйс и компани, Нью-Йорк); «Майн Кампф» Гитлера (Хоутон Миффин компани, Бостон); «Культура Италии в эпоху Возрождения» Я. Буркхардта (издательство «Макмиллан», Нью-Йорк).

$\exists.\Phi.$

Предисловие II

Почти двадцать лет прошло со времени выхода этой книги. Двадцать четыре переиздания были прочитаны профессионалами, обывателями и особенно студентами; я счастлив, что данная публикация в издательстве «Авон лайбрари» делает книгу доступной для еще большего числа читателей.

«Бегство от свободы» представляет собой анализ феномена человеческой тревоги, порожденной распадом средневекового мира, в котором, несмотря на многие опасности, человек чувствовал себя защищенным. После столетий борьбы человек преуспел в создании неслыханного материального благосостояния, построил демократические общества в некоторых регионах мира и одержал победу, защищая себя от тоталитарных схем; однако, как пытается показать «Бегство от свободы», современный человек все еще обеспокоен и испытывает соблазн отдать свою свободу разного рода диктаторам или лишиться ее, превратившись в маленький винтик машины, сытый, хорошо одетый, но не в свободного человека, а в автомат.

По прошествии двадцати пяти лет вопрос о том, сохраняются ли все еще те общественные и психологические тенденции, на которых основан анализ в этой книге, или они ослабевают, все еще стоит. Не может быть сомнений в том, что за последние четверть века причины, заставляющие че-

ловека бояться свободы, испытывать тревогу и быть готовым стать автоматом, не только сохранились, но и существенно увеличились. Самым важным событием в этом отношении явилось открытие атомной энергии и ее возможного использования как разрушительного оружия. Никогда раньше в истории человечества не возникало угрозы полного уничтожения, тем более от творения собственных рук. Однако сравнительно недавно во время кубинского кризиса миллионы человеческих существ в Америке и в Европе в течение нескольких дней не знали, увидят ли они и их дети следующий день. Несмотря на то, что с тех пор были предприняты попытки уменьшить опасность возникновения подобного кризиса, разрушительное оружие продолжает существовать, кнопки и люди, обязанные нажать их, когда это покажется необходимым, существуют, тревога и беспомощность людей никуда не делись.

Помимо ядерной революции, произошла и кибернетическая, набравшая силу быстрее, чем можно было предвидеть двадцать пять лет назад. Мы входим во вторую промышленную революцию, когда не только физическая энергия человека – работа его рук, – но и работа мозга и нервные реакции переходят к машинам. В наиболее развитых индустриальных странах, таких как Соединенные Штаты, возникают новые напряжения, связанные с угрозой возрастающей структурной безработицы; люди чувствуют себя все более незнательными не только перед лицом огромных корпораций,

но и перед почти самоуправляющимся миром компьютеров, которые думают много быстрее и часто более точно. Новая опасность скорее увеличивается, чем ослабляется: происходит демографический взрыв. Здесь тоже один из продуктов прогресса человечества — достижения медицины — привели к такому росту населения, особенно в развивающихся странах, что рост материального производства едва поспевает за увеличивающимся числом людей.

Гигантские силы, действующие в обществе, и опасность для выживания человечества за двадцать пять лет выросли, а поэтому выросла и тенденция к бегству от свободы. Однако появились и знаки, дающие надежду. Исчезли диктатуры Гитлера и Сталина. В странах советского блока, особенно небольших, хотя они остаются ультраконсервативными и тоталитарными, ясно заметна тенденция к росту либерализации. Соединенные Штаты проявили стойкость против всех попыток тоталитаризма увеличить свое влияние. Были предприняты важные шаги в направлении политического и социального освобождения чернокожих, особенно впечатляющие мужеством и дисциплиной тех, кто находится в первых рядах борцов за свободу — как чернокожих, так и белых. Все эти факты говорят о том, что внутренне свойственное человеческой природе стремление к свободе, пусть и извращенное и подавленное, снова и снова утверждает себя. Однако все эти обнадеживающие факты не должны заставлять нас думать, будто опасность «бегства от свободы» не так вели-

ка; она стала больше, чем даже тогда, когда эта книга была впервые опубликована.

Означает ли это, что теоретические прозрения социальной психологии бесполезны в отношении воздействия на развитие человека? Убедительно ответить на этот вопрос трудно; тот, кто пишет на данную тему, может быть неоправданно оптимистичен насчет общественной ценности собственной работы и работы своих коллег. Однако при всем уважении к такой возможности я верю в рост важности осознания индивидом социальной реальности. Я могу кратко обосновать это. Для многих ученых, изучающих человека и современное положение вещей, становится все более ясно, что основной трудностью, с которой мы сталкиваемся, является тот факт, что интеллектуальный потенциал далеко опередил эмоциональное развитие. Мозг человека живет в двадцатом столетии, а сердца большинства все еще обитают в каменном веке. Большинство человечества еще не достигло зрелости, позволяющей быть независимым, рациональным, объективным. Людям требуются мифы и идолы, чтобы выдержать факт своего одиночества, чтобы примириться с тем, что не существует авторитета, придающего жизни смысл, кроме него самого. Человек подавляет иррациональную страсть к разрушению, ненависти, зависти, мести; он поклоняется силе, деньгам, суверенному государству, нации; он на словах следует учениям великих духовных вождей человечества, таким как Будда, пророки, Сократ, Иисус, Мо-

хаммед – их учения он превращает в дебри суеверий и поклонения идолам. Как человечество может спастись от самоуничтожения из-за этого расхождения между интеллектуально-технической сверхзрелостью и эмоциональным отставанием?

Насколько я могу судить, существует всего один ответ: рост осознания важнейших фактов нашего социального бытия, осознания, которое предохранит нас от совершения непоправимых глупостей, хоть небольшое увеличение способности к объективным и разумным решениям. Мы не можем надеяться преодолеть большинство заблуждений своих сердец и их разрушительное воздействие на наше воображение на протяжении жизни одного поколения; может быть, потребуются многие века, чтобы человек смог вырваться из оков дочеловеческой истории, длившейся сотни тысячелетий. В этот решающий момент самое малое прозрение – объективность – может составить все различие между жизнью и смертью человечества. По этой причине развитие научной, динамической социальной психологии имеет жизненно важное значение. Прогресс в этой области необходим для противостояния опасностям, порождаемым прогрессом физики и медицины. Никто не осознает более ясно недостаточности наших знаний, чем ученые. Я надеюсь, что книги, подобные этой, будут побуждать ученых приложить силы в этой области, показав им потребность в исследованиях, поскольку мы не имеем почти ничего, кроме основополагающих положе-

ний.

Возможно, от меня ожидается ответ на еще один вопрос: не следует ли мне существенно пересмотреть свои теоретические заключения по истечении двадцати пяти лет? Должен признаться, что полагаю: главные элементы анализа все еще имеют силу и нуждаются в расширении и интерпретации во многих направлениях. С тех пор, как я написал «Бегство от свободы», я предпринял попытку проделать часть этой работы сам. В «Здоровом обществе» я расширил и провел более глубокий анализ современного общества, в «Человеке для себя» я углубил тему этических норм, основанных на знании о человеке, а не на авторитете и откровении, в «Искусстве любить» рассмотрел различные аспекты любви, в «Душе человека» проследил корни разрушительности и ненависти, в «По ту сторону порабощающих нас иллюзий» проанализировал связь между взглядами двух величайших теоретиков динамической науки о человеке – Маркса и Фрейда. Надеюсь, что это издание «Бегства от свободы» внесет свой вклад в интерес к динамической социальной психологии и побудит молодых людей посвятить силы области, полной интеллектуального вызова, именно потому, что она еще только в начале пути.

Эрих Фромм

I. Свобода – психологическая проблема?

Ядром современной европейской и американской истории являются усилия по достижению свободы от политических, экономических и духовных кандалов, сковывающих человека. Сражались за свободу угнетенные, те, кто хотел новых прав, против тех, кто защищал свои привилегии. Пока класс боролся за собственное освобождение от владычества другого класса, он полагал, что борется за человеческую свободу как таковую и таким образом мог взывать к идеалам, к жажде свободы, присущей всем угнетенным. В долгой и практически постоянной битве за свободу, однако, те классы, что боролись за освобождение на одном этапе, вступали в союз с врагами свободы, когда победа бывала достигнута и требовалось защищать новые привилегии. Несмотря на многие отступления, свобода все-таки выигрывала сражения. Многие погибли в битвах, убежденные, что лучше погибнуть, сражаясь за освобождение, чем жить под игом. Такая смерть бывала величайшим утверждением собственной личности. История, казалось, доказывала возможность для человека управлять своей жизнью, самому принимать решения, думать и чувствовать так, как он считал нужным. Полное раскрытие человеческого потенциала пред-

ставлялось целью, к которой быстро приближалось развитие общества. Принципы экономического либерализма, политической демократии, религиозной автономии, индивидуализма в личной жизни служили выражением жажды свободы и в то же время, казалось, вели человечество все ближе к ее достижению. Сбрасывались одни оковы за другими. Человек избавился от владычества природы и сделался ее хозяином, он сбросил власть церкви и абсолютистского государства. Освобождение от внешнего угнетения представлялось не только необходимым, но и достаточным условием достижения заветной цели: свободы индивида. Первая Мировая война представлялась многим последней битвой, а ее завершение – окончательной победой свободы. Существовавшие демократические режимы укрепились, новые пришли на смену прежним монархиям. Однако прошло немного лет, и возникли системы, отрицавшие все, что человек считал достигнутым за многие столетия борьбы. Суть этих новых систем, эффективно захвативших управление всей общественной и личной жизнью, состояла в подчинении всех, за исключением горстки людей, власти, контролировать которую человек не мог. Сначала многие находили утешение в мысли о том, что победа авторитарной системы есть следствие безумия нескольких индивидов и что это безумие со временем приведет их к падению. Другие самодовольно полагали, что итальянскому народу и немцам не хватало достаточно долгого опыта демократии и поэтому можно спокойно

ждать, когда эти народы достигнут политической зрелости западных демократических государств. Еще одна иллюзия, возможно, наиболее опасная, заключалась в том, что люди вроде Гитлера добились власти над разветвленной государственной бюрократией всего лишь благодаря хитрости и мошенничеству, что они и их пособники правят исключительно силой, а все население – бессильная жертва предательства и террора. За прошедшие с тех пор годы стала очевидной ошибочность этих аргументов. Нам пришлось признать, что миллионы немцев так же стремились отказаться от своей свободы, как их отцы были готовы ее защищать, что вместо стремления к свободе они искали способы бегства от нее, а другие миллионы проявляли равнодушие и не считали, что свобода стоит того, чтобы за нее бороться и умирать. Мы также понимаем, что кризис демократии – это не специфически итальянская или германская проблема; она угрожает каждому современному государству. Не имеет значения, какие символы выбирают противники человеческой свободы: ей грозит не меньшая опасность от антифашизма, чем от открытого фашизма. Эта истина была так мощно сформулирована Джоном Дьюи, что я изложу эту мысль его собственными словами: «Серьезная угроза нашей демократии, – пишет он, – это не существование зарубежных тоталитарных государств. Ею является существование в нашем собственном личном отношении и в наших собственных установлениях тех же условий, которые подарили победу внешней власти,

дисциплине и зависимости от вождя в других странах. Поэтому поле битвы именно здесь – внутри нас самих и наших институтов».

Если мы хотим бороться с фашизмом, мы должны его понимать. Нам не поможет принятие желаемого за действительное. Повторение оптимистических формул столь же неадекватно и бесполезно, как и индейский ритуал вызывания дождя. В дополнение к экономическим и социальным условиям, приведшим к подъему фашизма, существует гуманитарная проблема, которую необходимо понять. Целью данной книги является анализ динамических факторов в структуре характера современного человека, побудивших его отказаться от свободы в фашистских государствах и так широко распространенных среди миллионов наших собственных сограждан. Это самые важные вопросы, возникающие, когда мы рассматриваем гуманитарные аспекты свободы, желания подчиняться, жажды власти. Что представляет собой свобода как опыт человечества? Присуще ли стремление к свободе человеческой природе? Является ли это переживание идентичным независимо от того, к какой культуре человек принадлежит, или различается в зависимости от степени, которой достиг индивидуализм в данном обществе? Является ли свобода всего лишь отсутствием внешнего давления или же требует наличия чего-то – а если так, то чего? Каковы социальные и экономические факторы в обществе, определяющие стремление к свободе? Может ли сво-

бода сделаться обузой, слишком тяжелой для человека, чем-то, от чего он старается избавиться? Почему для одних свобода – желанный идеал, а для других – угроза? Не существует ли также, помимо врожденного стремления к свободе, инстинктивного желания подчиняться? Если это не так, чем можно объяснить привлекательность подчинения лидеру, которую испытывают столь многие? Вызывает ли послушание всегда лишь явный авторитет или существует подчинение авторитету интернализованному² – долгу или совести, внутренним поползновениям или анонимной власти, такой как общественное мнение? Нет ли тайного удовлетворения от покорности и какова его суть? Что порождает в человеке ненасытное желание власти? Проявляется ли в этом жизненная энергия или основополагающая слабость и неспособность воспринимать жизнь спонтанно и с любовью? Какие психические условия определяют силу подобных устремлений? Каковы социальные основания этих психических условий?

Анализ гуманитарных аспектов свободы и авторитаризма заставляет нас рассмотреть общую проблему, а именно, роль, которую психологические факторы играют как активная сила в общественном процессе; это, в свою очередь, приводит к проблеме взаимодействия в общественном процессе психологических, экономических и идеологических факто-

---

² Интернализация – принятие или адаптация убеждений, ценностей, установок, практики, стандартов и т. д. в качестве своих собственных.

ров. Любая попытка понять притягательность фашизма для великих наций заставляет нас признать важность факторов психологических. Мы имеем дело с политической системой, по сути не обращающейся к рациональным понятиям собственной выгоды, а пробуждающей и мобилизующей в человеке дьявольские силы, которые мы считали несуществующими или по крайней мере давным-давно мертвыми.

Портрет человека, ставший знакомым за последние столетия, изображал рационального индивида, чьи действия определялись его выгодой и способностью вести себя соответственно. Даже такие мыслители, как Гоббс, считавшие жажду власти и враждебность силами, побуждающими человека действовать, видели в существовании этих сил логическое следствие стремления к собственной выгоде: поскольку люди равны и одинаково стремятся к счастью, а достаточного богатства, чтобы удовлетворить всех одинаково, нет, они неизбежно сражаются друг с другом и жаждут силы, чтобы обеспечить будущее наслаждение тем, что имеют. Однако нарисованная Гоббсом картина устарела. Чем больше средний класс преуспевал в свержении власти бывших политических и религиозных вождей, чем больше человек покорял природу, чем больше миллионов индивидов обретали экономическую независимость, тем сильнее становилась вера в рациональность мира и в человека как неотъемлемо рациональное существо. Темные дьявольские силы человеческой природы были сосланы в Средние века, а то и более

ранние периоды истории и объяснялись отсутствием знаний или жульническими схемами лживых королей и священников. На те времена стали смотреть как на вулкан, который уже давно перестал быть действующим. Человек чувствовал себя в безопасности и был уверен в том, что достижения демократии уничтожили все зловещие силы, что мир светел и не таит опасности, как хорошо освещенная улица современного города. Войны стали считаться последними пережитками старых времен; нужна была всего еще одна война, чтобы покончить с войнами, экономические кризисы рассматривались как несчастные случаи, хоть эти несчастные случаи и продолжали случаться с определенной регулярностью.

Когда к власти пришел фашизм, большинство населения было к этому не готово, как теоретически, так и практически. Люди были не в силах поверить, что человек способен проявить такую предрасположенность ко злу, такую жажду власти, такое пренебрежение к правам слабых и такое стремление подчинять. Только немногие слышали гроыхание вулкана, предшествующее извержению. Ницше встревожил самодовольный оптимизм девятнадцатого века, как сделал это и Маркс, но по-иному. Другое предостережение несколько позже пришло от Фрейда. Несомненно, он и его последователи имели очень наивное представление о том, что происходит в обществе, и большинство приложений психологии к социальным проблемам были вводящими в заблуждение конструкциями, однако, проявив интерес к фено-

менам личных эмоциональных и психических расстройств, Фрейд привел нас на вершину вулкана и заставил заглянуть в бурлящий кратер. Фрейд зашел дальше, чем кто-либо до него, в том, чтобы привлечь внимание к наблюдениям и анализу иррациональных и бессознательных сил, отчасти определяющих поведение человека. Он и его последователи в современной психологии не только открыли иррациональный и неосознаваемый сектор человеческой природы, существование которого игнорировалось современным рационализмом, он также показал, что эти иррациональные феномены следуют определенным законам и поэтому могут быть поняты рационально. Фрейд научил нас понимать язык сновидений и соматических симптомов, как и иррациональностей в поведении человека. Он открыл, что эти иррациональности и структура характера человека в целом являются реакцией на воздействие окружающего мира и отчасти того, что происходило в раннем детстве. Однако Фрейд был так проникнут духом своей культуры, что не мог выйти за определенные ограничения, ею налагаемые. Именно эти ограничения определяли границы его понимания даже больного человека и служили препятствием для понимания нормального индивида и иррациональных феноменов, действующих в общественной жизни.

Поскольку данная книга подчеркивает роль психологических факторов в социальном процессе в целом и поскольку данный анализ основывается на некоторых фундаменталь-

ных открытиях Фрейда – особенно тех, которые касаются воздействия бессознательного на характер человека и его зависимости от внешних воздействий, – думаю, читателю поможет знание о возникновении общих принципов нашего подхода, а также об основных отличиях этого подхода от классических концепций Фрейда.

Фрейд принимал традиционное представление об основополагающей дихотомии в природе человека, как и традиционную доктрину о порочности человеческой природы. Для Фрейда человек в основе своей антисоциален. Общество должно его одомашнить, должно допускать некоторое прямое удовлетворение биологических – а потому неискоренимых – влечений, но по большей части облагораживать и умело ограничивать основные импульсы. Как следствие этого подавления естественных импульсов происходит нечто чудесное: подавленные побуждения превращаются в устремления, имеющие культурную ценность, и таким образом делаются основой человеческой культуры. Для этой странной трансформации подавления в цивилизованное поведение Фрейд выбрал название «сублимация». Если величина подавления превосходит способность к сублимации, индивид делается невротиком, и становится необходимым позволить ослабление подавления. В целом, однако, имеет место обратная пропорция между удовлетворением влечений человека и культурой: чем больше подавление, тем выше культура (и опасность невротических нарушений).

Согласно теории Фрейда, отношения индивида и общества носят по сути статичный характер: человек остается практически тем же и меняется только в той степени, в какой общество оказывает большее давление на его естественные порывы (и тем самым навязывает ему большую сублимацию) или же позволяет большее их удовлетворение (жертвуя при этом культурой). Как и ранние философы, принимавшие существование так называемых базовых инстинктов, Фрейд в своей концепции человеческой природы отразил самые важные устремления, свойственные современному человеку. Для Фрейда индивид его культуры представлял «человека» вообще, и страсти и тревоги, свойственные современному человеку, рассматривались им как вечные силы, корнящиеся в его биологической конституции.

Хотя можно было бы привести много примеров справедливости таких взглядов (как, например, социальный базис враждебности, присущей современному человеку, Эдипов комплекс, так называемый комплекс кастрации у женщин), хочу указать еще на один, особенно важный потому, что он касается всей концепции человека как общественного существа. Фрейд всегда рассматривал индивида в его отношениях с другими людьми. Эти отношения, как их видел Фрейд, сходны с экономическими отношениями, характерными для капиталистического общества. Каждый человек работает на себя индивидуально, на свой риск, и изначально не кооперируется с другими. Однако он не Робинзон Крузо, он нуждается

ся в окружающих как в потребителях, наемных работниках или нанимателях. Он должен покупать и продавать, отдавать и брать. Рынок, будь это рынок товаров или рынок рабочей силы, регулирует такие отношения. Так индивид, изначально одинокий и самодостаточный, вступает в экономические отношения с другими ради единственной цели: продавать и покупать. Фрейдовская концепция человеческих отношений по сути сводится к тому же: индивид полностью вооружен биологически заданными побуждениями, нуждающимися в удовлетворении. Для этого индивид вступает в отношения с другими «объектами». Таким образом, другой человек всегда оказывается средством для достижения цели, для удовлетворения побуждений, которые сами по себе имеют источником индивида – до того, как он вступает в контакт с другими. Область человеческих отношений, по Фрейду, сходна с рынком: происходит обмен удовлетворением биологически заданных потребностей, при котором отношения с другим индивидом всегда средство для достижения цели, но никогда не являются целью как таковой.

В отличие от точки зрения Фрейда, анализ, содержащийся в этой книге, основывается на допущении, что ключевая проблема психологии заключается в специфической связи индивида с миром, а не в удовлетворении или фрустрации³

---

³ Фрустрация – негативное психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей.

той или иной инстинктивной потребности как таковой: более того, предполагается, что связь между человеком и обществом не является статичной. Дело не в том, что мы, с одной стороны, имеем человека с определенным набором заданных природой влечений, а с другой – общество как нечто отдельное от него, удовлетворяющее или фрустрирующее эти врожденные потребности. Хотя такие побуждения, общие для всех, – голод, жажда, секс – существуют, есть и те, которые определяют различия человеческих характеров – любовь и ненависть, жажда власти и стремление к подчинению, тяга к чувственным наслаждениям и боязнь их, – продукты общественного процесса. Самые прекрасные и самые отвратительные склонности человека являются не частью фиксированной и биологически заданной человеческой природы, а результатом того общественного процесса, который создал человека. Другими словами, общество обладает не только функцией подавления – хотя и ею тоже, – но и творческой функцией. Характер человека, его страсти и тревоги есть культурный продукт; сам человек является самым важным творением и достижением непрерывных человеческих усилий, запись которых мы зовем историей.

Задачей социальной психологии как раз и является понимание этого процесса возникновения человека в ходе истории. Почему определенные изменения в человеческом характере происходят при смене одной исторической эпохи другой? Что делает дух Возрождения отличным от духа

Средневековья? Почему структура человеческого характера при монополистическом капитализме иная, чем в девятнадцатом столетии? Социальная психология должна объяснить возникновение новых способностей и новых страстей, хороших или дурных. Так, мы находим, например, что со времен Ренессанса по наши дни имеет место пламенное стремление к славе; это влечение, кажущееся нам сейчас совершенно естественным, было мало присуще человеку в средневековом обществе. За этот же период возникло восприятие красоты природы, которым ранее человек не обладал. Кроме того, начиная с шестнадцатого столетия, в странах Северной Европы развилась одержимость трудом, не свойственная свободному человеку ранее.

Однако не только история творит человека – она сама создается людьми. Разрешение этого кажущегося противоречия и есть предмет социальной психологии. Ее задача показать не только изменения и развитие страстей, желаний, тревог человека в результате общественного процесса, но и то, как энергия человека в свою очередь преобразуется в специфические продуктивные силы, формирующие общественный процесс. Так, например, жажда славы и успеха и потребность работать представляют собой силы, без которых не мог бы развиваться современный капитализм; без этих и некоторых других человеческих сил отсутствовал бы стимул действовать в соответствии с социальными и экономическими потребностями современной коммерческой и промышлен-

ной систем.

Из сказанного следует, что точка зрения, представленная в этой книге, отличается от взглядов Фрейда, поскольку радикально не согласуется с интерпретацией истории как результата действия психических сил, не укрощенных обществом. Не менее радикально расходится мой подход с теми теориями, которые пренебрегают ролью человеческого фактора как одного из динамических элементов общественного процесса. Эта критика направлена не только против социологических теорий, так или иначе изгоняющих психологические проблемы из социологии (как это делает Дюркгейм и его школа), но и против тех, которые более или менее окрашены бихевиоризмом⁴. Общим для всех этих теорий является представление о том, будто человеческая природа не обладает собственным динамизмом и будто психологические перемены могут быть поняты в терминах развития новых «привычек» как адаптации к новым культурным паттернам.

Эти теории хоть и говорят о психологическом факторе, в то же время сводят его к отражению культурных паттернов. Только динамическая психология, основы которой были заложены Фрейдом, может проникнуть глубже признания на словах человеческого фактора. Хотя фиксированной человеческой природы не существует, нельзя рассматривать при-

---

⁴ Бихевиоризм — направление, которое полностью отрицало сознание человека как самостоятельное явление и отождествляло его с поведенческими реакциями индивида на различные внешние раздражители.

роду человека как бесконечно пластичную, способную приспособиться к любым условиям, не развив собственный психологический динамизм. Природа человека, хоть и является продуктом исторической эволюции, обладает определенными неотъемлемыми механизмами и законами, открыть которые, в свою очередь, должна психология.

На данном этапе представляется необходимым для полного понимания того, что было сказано выше, а также последующего изложения обсудить понятие *адаптации*. Такая дискуссия дает к тому же иллюстрацию того, что понимается под психическими механизмами и законами.

Полезно различать «статичную» и «динамическую» адаптацию. Под статичной адаптацией мы понимаем такое приспособление к паттернам, которое оставляет всю структуру характера неизменной и предполагает только приобретение новой привычки. Примером адаптации такого рода может служить переход от китайской манеры есть палочками к европейской привычке пользоваться вилок и ножом. Китаец, приехавший в Америку, приспособится к этому новому паттерну, но само по себе это окажет мало влияния на его личность и не породит новых потребностей и свойств характера.

Динамической мы называем адаптацию такого вида, которая возникает, например, когда ребенок подчиняется командам строгого и сурового отца – слишком его боясь, чтобы вести себя иначе, ребенок делается «хорошим». При адаптации к требованиям ситуации что-то с ним происходит. У

ребенка может развиться сильная неприязнь к отцу, которую ребенок подавляет, потому что было бы слишком опасно выразить или даже осознать ее. Эта подавленная неприязнь, впрочем, хоть и не проявляющаяся, является динамическим фактором в структуре характера ребенка. Она может породить новую тревогу и тем привести к еще более глубокой покорности, она может вылиться в смутный вызов, направленный не против конкретного объекта, а жизни в целом. Хотя в этом случае, как и при статичной адаптации, индивид приспособляется к определенным внешним обстоятельствам; подобное приспособление создает в индивиде что-то новое, порождает новые побуждения и новые тревоги. Любой невроз есть пример такой динамической адаптации; по сути он – приспособление к таким внешним условиям (особенно условиям раннего детства), которые сами по себе иррациональны и, вообще говоря, неблагоприятны для роста и развития ребенка. Подобным же образом социопсихологические феномены, сравнимые с невротическими (почему их не следует называть неврозами, будет обсуждаться ниже), такие, например, как наличие сильных деструктивных или садистских импульсов в общественной группе, являют собой пример динамической адаптации к социальным условиям, иррациональным и вредоносным для развития людей.

Помимо вопроса о том, какого *рода* происходит адаптация, нуждается в ответе и другой вопрос. Что заставляет человека приспособляться почти к любым жизненным

условиям, которые можно себе представить; каковы пределы приспособляемости? Отвечая на эти вопросы, первый феномен, который нужно обсудить, — это тот факт, что в природе человека наличествуют определенные черты, более гибкие и поддающиеся адаптации, чем другие. Те устремления и свойства характера, которые отличают людей друг от друга, проявляют величайшую эластичность и изменчивость: любовь, разрушительность, садизм, склонность подчиняться, жажда власти, отстраненность, желание самовозвеличения, бережливость, стремление к чувственным наслаждениям и боязнь их. Существует и множество других побуждений и страхов, которые развиваются как реакция на определенные жизненные ситуации. Они не особенно гибки: сделавшись частью характера индивида, они трудно поддаются искоренению или превращаются в какое-то иное устремление. Однако они изменчивы в том смысле, что одно или другое из них развивается у человека, особенно в детстве, в зависимости от того образа жизни, который ему приходится вести. Ни одна из этих потребностей не является фиксированной и неизменной, как если бы была врожденной, и не требует удовлетворения при любых обстоятельствах.

В противоположность этим потребностям имеются другие, являющиеся неотъемлемой частью человеческой природы и требующие обязательного удовлетворения, а именно, те, которые коренятся в физиологической организации человека, подобно голоду, жажде, необходимости сна и т. д.

Для каждой из таких потребностей существует определенный порог, за которым отсутствие удовлетворения становится непереносимым и стремление к удовлетворению делается всепоглощающим. Все эти физиологически заданные потребности могут быть объединены в понятие потребности в самосохранении; она требует удовлетворения при любых обстоятельствах и тем самым формирует первоочередной стимул поведения человека.

Можно свести это к простой формуле: человек должен есть, пить, спать, защищать себя от врагов и т. д. Чтобы все это сделать, человек должен трудиться и производить продукцию. Впрочем, «работа» – не нечто абстрактное. Она всегда конкретна, т. е. является специфическим видом труда в специфической экономической системе. Индивид может трудиться как крепостной при феодализме, как земледелец в индейском пуэбло, как независимый бизнесмен в капиталистическом обществе, как продавец в современном универсаме, как рабочий у бесконечной ленты конвейера на фабрике. Различные виды работы требуют совершенно разных личностных черт и ведут к возникновению различных видов связей с другими людьми. Рождаясь, человек попадает в уже готовую для него ситуацию. Он должен есть и пить, а потому должен работать, а это значит, что он должен трудиться в определенных условиях и таким образом, который задан для него тем обществом, где он родился. Оба фактора – необходимость жизнеобеспечения и социальная система – в прин-

ципе не могут быть изменены им как индивидом; они и определяют развитие тех черт характера человека, которые проявляют наибольшую пластичность.

Тем самым образ жизни, обусловленный для индивида особенностями экономической системы, становится первичным фактором, определяющим всю структуру его характера, поскольку императивная потребность в самосохранении заставляет его принимать те условия, в которых он вынужден жить.

Это не означает, что человек вместе с другими не может попытаться произвести определенные экономические или политические перемены, однако изначально его личность формируется конкретным образом жизни: он познакомился с ним ребенком через семью, обладающую особенностями, типичными для данного общества или класса.

Физиологически заданные потребности не единственная непреодолимая часть природы человека. Существует еще одна, столь же мощная, хоть и не коренящаяся в телесных процессах, но составляющая самую суть образа жизни человека: это необходимость в связи с внешним миром, стремление избежать одиночества. Ощущение одиночества и полной изоляции ведет к психическому распаду, так же как физический голод ведет к смерти. Связь с другими не идентична физическому контакту. Индивид может много лет находиться в одиночестве в физическом смысле, однако при этом быть связанным с другими людьми идеями, ценностями или

по крайней мере социальными паттернами, дающими ему чувство общности, принадлежности. С другой стороны, человек может находиться среди людей и тем не менее быть охвачен ощущением изоляции; если оно превышает определенный уровень, наступает состояние безумия, представляемое шизофреническими нарушениями. Подобное отсутствие связи с ценностями, символами, паттернами можно назвать моральным одиночеством; моральное одиночество так же невыносимо, как одиночество физическое. Точнее, физическое одиночество становится нестерпимым, только если сопровождается одиночеством моральным. Духовная связь с миром может принимать разнообразные формы; монах в своей келье, верующий в Бога, политзаключенный, содержащийся в одиночке, но чувствующий единство с товарищами по борьбе, морально не одиноки. И английский джентльмен, переодевающийся к обеду в самом экзотическом окружении, и мелкий буржуа, далекий от своих партнеров, едины со своей нацией и ее символами. Связь с миром может быть благородной или тривиальной, но принадлежность даже к самой низкой категории неизмеримо предпочтительнее одиночества. Религия и национализм, как и любой обычай или поверье, сколь бы ни был абсурден и ни развращал, если он связывает индивида с другими, тем самым предоставляет убежище от того, что вызывает у человека наибольшее отвращение: от изоляции.

Необоримая потребность избежать морального одиноче-

ства с большой силой описана Бальзаком в «Утраченных иллюзиях»: «Так запомни же, запечатлей это в своем еще столь восприимчивом мозгу: человека страшит одиночество. А из всех видов одиночества страшнее всего одиночество душевное. Отшельники древности жили в общении с богом, они пребывали в самом населенном мире, в мире духовном. Скупцы живут в мире воображения и власти денег. У скупца все, вплоть до его пола, сосредоточено в мозгу. Первая потребность человека, будь то прокаженный или каторжник, отверженный или недужный, – обрести товарища по судьбе. Жажда утолить это чувство, человек расточает все свои силы, все свое могущество, весь пыл своей души. Не будь этого всепожирающего желания, неужто сатана нашел бы себе сообщников?.. Тут можно написать целую поэму, как бы вступление к “Потерянному раю”, этому поэтическому оправданию мятежа»⁵.

Любая попытка ответить на вопрос о том, почему страх одиночества так силен, увела бы нас далеко от основного содержания этой книги. Впрочем, чтобы у читателя не возникло впечатления, будто в желании объединения с другими есть нечто мистическое, хочу указать, в каком направлении, как мне кажется, лежит ответ.

Один важный элемент заключается в том факте, что человек не может жить без какой-либо кооперации с другими. В любой культуре он должен сотрудничать с другими людьми,

---

⁵ Бальзак О. Утраченные иллюзии. М.: Правда, 1989. Перевод Н. Г. Яковлевой.

если хочет выжить, — и для защиты от врагов и от природных катаклизмов, и если хочет быть в силах работать и производить все необходимое. Даже у Робинзона Крузо был свой Пятница; без него тот, вероятно, не только лишился бы рассудка, но и просто умер. Любой индивид в детстве очень сильно ощущает необходимость в помощи других. Учитывая фактическую неспособность младенца обеспечить себе выполнение жизненно важных функций, объединение с другими есть вопрос жизни или смерти. Перспектива остаться в одиночестве несомненно есть наиболее серьезная угроза самому выживанию ребенка.

Существует еще одно обстоятельство, делающее потребность в принадлежности столь непреодолимой: наличие субъективного самосознания, способности мыслить, благодаря которой человек осознает себя как индивида, отличного от природы и от других людей. Хотя степень такого осознания меняется, как это будет показано в следующей главе, его наличие ставит человека перед лицом специфически человеческой проблемы: осознавая свою отдельность, осознавая — даже если весьма смутно — свою смертность, подверженность болезням и старению, индивид неизбежно ощущает свою незначительность по сравнению со вселенной и со всем, что не является его «я». Если он не принадлежит к некой общности, если его жизнь не имеет какого-то смысла и направления, человек будет чувствовать себя пылинкой, будет подавлен собственной незначительностью. Он окажется

неспособен соотнести себя с любой системой, которая давала бы смысл и направление его жизни, он будет полон сомнений, и это в конце концов парализует его способность действовать — то есть жить.

Прежде чем продолжать, полезно будет подвести итог тому, что было сказано в отношении нашего общего подхода к проблемам социальной психологии. Человеческая природа не является ни биологически заданной, ни врожденной суммой побуждений, ни безжизненной тенью культурных паттернов, к которым и приспосабливается; она — продукт человеческой эволюции, но также подчиняется некоторым внутренним механизмам и законам. В природе человека существуют определенные фиксированные и неизменные факторы: необходимость удовлетворять физиологически заданные потребности, необходимость избегать изоляции и морального одиночества. Мы видели, что индивид вынужден принимать образ жизни, коренящийся в системе производства и распределения, присущей данному обществу. В процессе динамического приспособления к культуре развивается множество мощных побуждений, мотивирующих действия и чувства индивида. Человек может осознавать или не осознавать эти побуждения, но в любом случае они оказывают сильное влияние и, раз возникнув, требуют удовлетворения. Это порождает силы, которые в свою очередь формируют общественные процессы. Как экономические, психологические и идеологические факторы взаимодействуют друг

с другом и какие общие заключения, касающиеся этого взаимодействия, могут быть сделаны, будет обсуждаться ниже, при анализе Реформации и фашизма. Это обсуждение всегда будет посвящено главной теме данной книги: чем больше свободы добивается человек в процессе отделения от исходной общности с человеком и природой и чем больше он становится «индивидом», тем неизбежнее приходится ему объединяться с миром в спонтанности любви и производительного труда; в противном случае ему приходится искать какую-то безопасность в связях с миром, которые уничтожают его свободу и целостность его личности.

II. Возникновение индивидуальности и двойственность свободы

Прежде чем перейти к главной теме – вопросу о том, что значит свобода для современного человека и почему и как он пытается от свободы бежать, нам нужно обсудить концепцию, которая может показаться несколько оторванной от действительности. Она, впрочем, представляет собой предпосылку, необходимую для понимания анализа свободы в современном обществе. Я имею в виду концепцию, согласно которой свобода характеризует существование человека как таковое; более того, ее значение меняется в зависимости от степени осознания себя человеком и от восприятия им себя как независимого и отдельного существа.

Социальная история человека началась с момента его перехода из состояния единения с миром природы к осознанию себя как существа, отдельного от окружающей природы и людей. Однако это осознание оставалось весьма смутным на протяжении долгих исторических периодов. Индивид продолжал быть тесно связанным с физическим и общественным миром, из которых вышел; смутно осознавая себя отдельной сущностью, он также чувствовал себя частью окружающего мира. Нарастающий процесс освобождения лично-

сти от изначальных уз, процесс, который мы можем назвать индивидуализацией, достиг, по-видимому, своего пика в современной истории в века между Реформацией и настоящим временем.

В истории жизни индивида мы наблюдаем тот же самый процесс. Ребенок рождается, когда он перестает быть одним целым с матерью и делается отдельным от нее существом. Однако, хотя это биологическое отделение есть начало самостоятельного существования индивида, ребенок функционально остается единым с матерью на значительный период. В соответствии со степенью, в которой младенец, фигурально выражаясь, еще не полностью разорвал пуповину, связывающую его с внешним миром, он не обладает свободой; однако эти узы обеспечивают ему безопасность и ощущение принадлежности, укорененности в чем-то. Я хотел бы назвать эти узы, сохраняющиеся до тех пор, пока процесс индивидуализации не завершится полным отделением ребенка, «первичными узами». Они органические в том смысле, что являются частью нормального развития человека; они предполагают отсутствие самостоятельности, но также обеспечивают ребенку безопасность и ориентацию. Это те узы, которые связывают ребенка с матерью: члена примитивного сообщества – с кланом и культурой, средневекового человека – с церковью и сословием. Когда стадия полной индивидуализации бывает завершена и человек становится свободен от первичных уз, перед ним встает новая задача: сори-

ентироваться и укорениться в мире, достичь безопасности иным способом, чем тот, что был характерен для его доиндивидуального существования. Свобода приобретает для него смысл, отличный от того, который имела до этого этапа эволюции. Здесь необходимо остановиться и прояснить перечисленные концепции, обсудив их более конкретно в связи с индивидуальным и общественным развитием.

Сравнительно внезапный переход от существования плода к существованию человека и разрыв пуповины знаменуют независимость младенца от тела матери. Однако такая независимость реальна только в грубом смысле разделения двух тел. В функциональном смысле младенец остается частью матери. Мать его кормит, носит, обеспечивает заботу во всех жизненно важных отношениях. Ребенок медленно начинает рассматривать мать и прочие объекты как сущности, отдельные от него. Одним из факторов этого процесса является неврологическое и общее физическое развитие ребенка, его способности ухватывать – физически и умственно – предметы и пользоваться ими. Через собственную активность ребенок познает мир вокруг себя. За процессом индивидуализации следует обучение. Оно включает ряд огорчений и запретов, благодаря чему роль матери меняется: теперь она превращается в личность, которая имеет цели, противоречащие желаниям ребенка, а иногда опасную и враждебную. Этот антагонизм, являющийся частью процесса воспитания, есть важный фактор обострения различения «я» и «ты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.